

УДК 165.0

DOI:

10.15372/PS20200202

Е.И. Поротиков

СКЕПТИЦИЗМ, ЗНАНИЕ И КОНТЕКСТ¹

В статье представлен способ ухода от скептицизма, предложенный в рамках концепции семантического контекстуализма (С. Коэн, К. Дерос, Д. Льюис). Обосновывается совместимость достоверного знания со скептической аргументацией. Выделяются за спора решения философских проблем.

Ключевые слова: контекстуализм, семантический контекстуализм, скептицизм, скептический парадокс

E.I. Porotikov

SKEPTICISM, KNOWLEDGE, AND CONTEXT

The article presents a method of moving away from skepticism, proposed in the concept of semantic contextualism (S. Cohen, K. DeRose, D. Lewis). We give proof of the compatibility of reliable knowledge with skeptical argumentation. The paper marks out methods to solve philosophical problems.

Keywords: contextualism; semantic contextualism; skepticism; skeptical paradox

Когда мы строим какую-либо теорию познания, мы по умолчанию предполагаем, что знание должно быть, во-первых, доступно и, во-вторых, надежно обосновано. С помощью скептических аргументов можно пытаться опровергнуть оба этих тезиса. С проблемой скептицизма рано или поздно сталкивается любая теория познания. В истории философии было множество попыток справиться со скепсисом, но по поводу их успешности до сих пор нет согласия. Ниже мы постараемся обосновать эффективность *семантического контекстуализма* – кон-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-311-00113 «Скептицизм и метаэпистемология: познание истины в условиях принципиальной погрешимости знания»).

цепции, разработанной С. Коэном, К. Деросом, Д. Льюисом и др. и предлагающей оригинальный и, на наш взгляд, наиболее эффективный ответ на аргументы скептиков.

Скептический парадокс

В общем виде скептическая аргументация работает следующим образом. Допустим, S знает, что q (S видит сарай), на основании r (то, что видит S , выглядит, как сарай). Скептик будет утверждать, что существует множество причин, по которым q может оказаться ложным. Например, S видит точную копию сарая из папье-маше, или у S галлюцинации, или S – мозг в баке и т.д. (обозначим эти скептические гипотезы буквой h). И если S не способен установить ложность h , то S не может знать, что q . Этот набор противоречащих друг другу утверждений, каждое из которых имеет независимую достоверность, называют *скептическим парадоксом* [1; 2]:

- (1) S знает, что q ;
- (2) если S знает, что q , и S знает, что q влечет за собой не- h , то S знает, что не- h ;
- (3) S не знает, что не- h .

Скептик использует утверждения (2) и (3), чтобы опровергнуть (1). Конечно, можно использовать (1) и (2), чтобы опровергнуть (3), но это недостаточно убедительный ход, потому что утверждение (1) не так достоверно, как утверждение (3), и скептический вывод остается в силе.

Однако есть еще один вариант: мы можем сохранить истинность утверждений (1) и (3), отрицая при этом истинность (2). Таким образом мы сохраним и знание, и скептический аргумент. Основная идея этого подхода заключается в том, что S может знать, что q , даже если он не может исключить альтернативу h , но только при условии, что h – нерелевантная альтернатива. То есть мы не можем установить истинность или ложность скептической гипотезы h , но можем сказать, что такая гипотеза не является релевантной. Такой подход, предложенный С. Коэном, К. Деросом, Д. Льюисом и др., носит название «*семантический контекстуализм*».

Чтобы придать этому подходу содержание, нам нужен критерий релевантности. Таким критерием может служить, например, объективная вероятность. Альтернатива h , которую нельзя исключать, реле-

вантна только в том случае, если условная вероятность h достаточно высока. Вернемся к примеру с сараем. При каких обстоятельствах S должен учитывать скептическую гипотезу, согласно которой сарай является не настоящим сараем, а его копией из папье-маше? Если S знает, что в непосредственной близости от сарая расположены его многочисленные копии, то эта альтернатива релевантна. S не может быть уверен, что видит сарай, если он не в состоянии исключить скептическую гипотезу. Но если у S нет свидетельств с пользой существования копий сарая, то эта альтернатива нерелевантна [1, р. 19].

Итак, истинность пропозиции « S знает, что q » должна оцениваться исходя из релевантности скептических гипотез h (которые при этом все-таки нельзя исключать). В большинстве повседневных ситуаций скептические гипотезы h нерелевантны. То есть S может знать, что q , и при этом не знать, что не- h , даже если q влечет за собой не- h , и наоборот. Это значит, что мы можем утверждать, что предложения (1) и (3) истинны, не впадая при этом в противоречие. Таким образом, знание является *контекстно зависимым*. Один когнитивный агент может утверждать, что пропозиция « S знает, что p » истинна, в то время как другой может отрицать ее истинность, и в этом не будет противоречия. Если мы будем учитывать этот фактор, то сможем более успешно противостоять скептическим аргументам.

Случай в банке и эпистемические стандарты

Рассмотрим примеры двух эпистемических стандартов (так называемый «Случай в банке»).

Низкие стандарты. Ханна и Сара возвращаются с работы в пятницу днем. По пути они планируют заехать в банк, чтобы оплатить счета. Но когда они проезжают мимо банка, то замечают внутри очень длинную очередь. Хотя они предпочитают оплачивать счета как можно раньше, ничего страшного не случится, если они сделают это в другой день. Ханна звонит Биллу и спрашивает, работает ли банк по субботам. Билл отвечает: «Да, я помню, как ехал мимо банка в прошлую субботу и видел, что он работает до полудня». Ханна говорит Саре: «Билл сказал, что банк работает по субботам. Поехали домой, а счета оплатим завтра утром». Сара отвечает: «А вдруг банк будет завтра закрыт? Многие банки закрыты по субботам. Билл точно знает, что банк будет работать?». Ханна говорит: «Да, Билл знает». В итоге оказывается, что банк действительно работает по субботам.

Высокие стандарты. Ханна и Сара возвращаются с работы в пятницу днем. По пути они планируют заехать в банк, чтобы оплатить счета. Но когда они проезжают мимо банка, то замечают внутри очень длинную очередь. Ханна и Сара должны перевести большую сумму денег к понедельнику, и если это не будет сделано, они окажутся в очень неудобном положении и подведут своих кредиторов. И конечно же, по воскресеньям банк не работает. Ханна звонит Биллу и спрашивает, работает ли банк по субботам. Билл отвечает: «Да, я помню, как ехал мимо банка в прошлую субботу и видел, что он работает до полудня». Ханна говорит Саре: «Билл сказал, что банк работает по субботам. Поехали домой, а счета оплатим завтра утром». Но Сара напоминает Ханне, как важно оплатить счета до понедельника. «Банки обычно закрыты по субботам, – рассуждает Сара. – Может быть, этот банк тоже будет закрыт, ведь они могли изменить график работы. Билл точно знает, что банк будет завтра открыт?» Ханна отвечает: «Ну нет, Билл не знает». В итоге оказывается, что банк все-таки работает по субботам [4; 5].

Что можно сказать об истинности фразы «Билл знает, что банк будет работать в субботу»? В случае низких стандартов, когда ставки не так высоки, эта фраза оказывается истинной. Однако в случае высоких ставок эпистемические стандарты также повышаются, и, таким образом, истинность фразы ставится под сомнение. В сильных скептических контекстах с высоким эпистемическим стандартом гипотезы h будут релевантны, однако в повседневной деятельности эпистемические стандарты гораздо ниже, и релевантность скептических гипотез тоже значительно снизится. Как заметил К. Фельдман, в семантическом контекстуализме меняются не сами стандарты знания, а скорее стандарты применения слова «знание» [6, р. 24]. То, что считается знанием в одном контексте, в другом контексте не будет считаться таковым.

В связи с этим выделяются *скептические (философские) контексты*, в которых стандарты знания, предъявляемые к пропозиции « S знает, что q », высоки, и *нескептические контексты*, в которых стандарты знания существенно ниже. Это приводит к тому, что скептические аргументы работают в полную силу только в скептических контекстах, в то время как в нескептических контекстах мы можем претендовать на знание (хотя и с относительно низким стандартом достоверности). Как пишет К. Дерос, «тот факт, что скептик может устанавливать очень высокие стандарты, которые мы не соблюдаем, вовсе не означает, что мы не следуем более низким стандартам, которые приме-

наются в повседневных ситуациях. Таким образом, наши обычные суждения о знании защищены от мощных атак скептиков, но в то же время убедительность скептических аргументов сохраняется» [3, р. 917].

Интуиция, лежащая в основе этой точки зрения, вполне очевидна: в мире не существует привилегированной эпистемической «системы отсчета»; истинностное значение любого утверждения всегда определяется тем, в каком контексте делается это утверждение.

Сравним термин «знать» с термином «плоский». Истинностное значение термина «плоский» может варьировать в зависимости от того, какие стандарты мы применяем. Одна и та же вещь может считаться плоской согласно одним стандартам, и в то же время не считаться таковой согласно другим стандартам. «Я могу выглянуть в окно и сказать, что Нью-Джерси – холмистый штат, в то время как гигант вполне может заявить, что Нью-Джерси – местность плоская. Каждая точка зрения может рассматриваться как потенциально верная. И в этом нет противоречия, так как контекст задает разные стандарты. Глупо требовать от гиганта, чтобы он признал ложность своей “искаженной” точки зрения. Ни мы, ни гиганты не обязаны использовать конкретные стандарты» [1, р. 16]. То, какие стандарты знания мы применяем, определяется исключительно из личной либо социальной перспективы.

Достоверное знание и «примирение» со скепсисом

Семантический контекстуализм интересен тем, что опирается на неустранимость скептической аргументации, предложенной еще в античном пирронизме, но в то же время предлагает способ «примирения» со скепсисом, понижая планку эпистемического стандарта для более слабых нескептических контекстов. Действительно, в сильных скептических контекстах под сомнение можно поставить все что угодно (причинность, время, адекватность восприятия, само существование внешнего мира). Если же мы понижаем планку достоверности и перемещаемся в научный, либо в религиозный, либо в культурологический, либо в повседневный контекст, то вопросы типа «а существует ли тот самый внешний мир, который мы изучаем?» попросту не имеют актуального содержания. Астроном, изучающий какую-либо планету, скажем Меркурий, вряд ли будет задаваться вопросом, существует ли Меркурий на самом деле или же это просто групповая галлюцинация. В обыденных контекстах, являющихся совершенно нескептическими, планка достоверности еще ниже, однако это не мешает нам принимать привычные

вещи как вполне достоверные и успешно действовать в мире. Например, ни один человек в здравом уме не будет сомневаться в том, что у него две руки (если у него действительно две руки). Однако для философа-скептика фраза «у меня две руки» не будет являться знанием, а всего лишь мнением.

На наш взгляд, в этом и заключается главное достоинство семантического контекстуализма: он не претендует на решение принципиально нерешаемой задачи опровержения скептического аргумента. Вместо этого он предлагает способ объединения наших претензий на знание с неустранимостью скепсиса. Но в этом заключается также и слабость данной позиции, так как подобное решение проблемы скепсиса, по сути, вовсе не является решением. С. Коэн пишет по этому поводу: «Вряд ли можно сказать, что скептицизм отправлен в нокаунт. Все, на что мы можем надеяться, это работоспособный вариант, который позволяет нам избежать скептицизма» [1, p. 20]. Скептицизм остается, но остается и достоверное знание, т.е. со своей главной задачей семантический контекстуализм справляется вполне успешно.

Исходя из сказанного, мы можем заключить, что существует два способа решения философских проблем. Первый – это собственно решение, что в истории философии встречается крайне редко (если вообще встречается). И второй способ – это «примирение». Именно такое «примирение» и осуществляет семантический контекстуализм.

Литература

1. *Cohen S.* Knowledge, Context, and Social Standards // *Synthese*. – 1987 – No. 73. – P. 3–26.
2. *DeRose K.* Contextualism and Knowledge Attributions // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 1992 – No. 52. P. 913–29.
3. *DeRose K.* The ordinary Language Basis for Contextualism // *The Philosophical Quarterly*. – 2005 – No. 219. P. 172–98.
4. *DeRose K.* The Case for Contextualism, Knowledge, Skepticism, and Context, Vol. 1. – New York: Oxford University Press, 2009.
5. *Dinges A.* Epistemic Invariantism and Contextualist Intuitions // *Episteme*. – 2016 – No. 13. P. 219–32.
6. *Feldman R.* Comments on DeRose’s “Single Scoreboard Semantics” // *Philosophical Studies* – 2004 – No. 119. P. 23–33.

References

1. *Cohen S.* Knowledge, Context, and Social Standards // *Synthese*. – 1987 – No. 73. – P. 3–26.
2. *DeRose K.* Contextualism and Knowledge Attributions // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 1992 – No. 52. P. 913–29.
3. *DeRose K.* The ordinary Language Basis for Contextualism // *The Philosophical Quarterly*. – 2005 – No. 219. P. 172–98.
4. *DeRose K.* The Case for Contextualism, Knowledge, Skepticism, and Context, Vol. 1. – New York: Oxford University Press, 2009.
5. *Dinges A.* Epistemic Invariantism and Contextualist Intuitions // *Episteme*. – 2016 – No. 13. P. 219–32.
6. *Feldman R.* Comments on DeRose’s “Single Scoreboard Semantics” // *Philosophical Studies* – 2004 – No. 119. P. 23–33.

Информация об авторе

Поротиков Евгений Игоревич – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, 1).
eporotikov@gmail.com

Information about the author

Porotikov Evgeniy Igorevich – Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia).
eporotikov@gmail.com

Дата поступления 21.03.2020